

УДК 343.341

В.А. ГЛУШКОВ, докт. юрид. наук, проф.,
Национальная академия Службы безопасности
Украины,

В.П. ЕМЕЛЬЯНОВ, докт. юрид. наук,
проф., Харьковский национальный университет
внутренних дел

ТЕРРОР И ТЕРРОРИЗМ: СООТНОШЕНИЕ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ

Ключевые слова: террор, терроризм, явление, преступление

Терроризм нередко называют глобальной проблемой современности, а прогнозы ученых и практиков относительно дальнейшей терроризации действительности, особенно после событий 11.09.2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, – от не самых утешительных до апокалипсических. Однако, не принижая остроты проблемы и общественной опасности терроризма, все же следует заметить, что масштабы этого явления в научной литературе порой настолько преувеличены, а границы его так размыты, что невольно создается впечатление о невозможности выработки каких-либо конкретных мер борьбы с ним. Для такого преувеличения, очевидно, имеются как объективные, так и субъективные причины.

Объективно терроризм представляет собой сложное, многомерное, многоуровневое явление, посягающее на различные сферы жизнедеятельности людей различными способами. При этом, важной особенностью современного терроризма является его хорошо организованный и структурированный характер. Современный терроризм характеризуется хорошим техническим оснащением, наличием учебных баз и полигонов, наличием достаточного финансирования. «Кроме того, – замечает известный азербайджанский ученый М.Н. Иманлы, – современный терроризм представляет собой качественно новое явление по сравнению с терроризмом прошлого. Сегодня террористы способны сделать своим

орудием средства массового поражения либо совершать нападения на ядерные и другие столь же опасные объекты, что привело бы к катастрофическим последствиям» [1, с.57].

При всей объективной сложности проведения исследований в сфере противодействия терроризму имеют место дополнительные трудности субъективного характера по следующим причинам. Терроризм как явление исследовался в различных аспектах – философском, политическом, историческом, публицистическом, правовом и т.д., при этом многие исследователи (историки, политологи, психологи, журналисты и т.д.) рассматривали это явление со своей точки зрения, давая понятию «терроризм» собственную интерпретацию. Но так как этим явлением занимаются не только и не столько юристы, то в литературе порой господствует не правовое, обыденное его понимание. На этом фоне и в юридической литературе порой возникают определенные «передержки» и терминологические неточности, поскольку одни исследователи не усматривают разницы между терроризмом и агрессией, другие – между терроризмом и пиратством, третьи – между терроризмом и террором и в качестве разновидностей терроризма указывают на диктаторские и фашистские режимы, религиозные и гражданские войны.

Одной из типичных неточностей является отождествление понятий «терроризм» и «террор». Поскольку эти понятия по своему содержанию отражают те или иные степени и масштабы насильственных действий, довольно нередко их употребляют в литературе, и в официальных документах как взаимозаменяемые понятия, т.е. как слова-синонимы. В одних случаях это проходит «безболезненно», т.к. не затрагивает никаких принципиальных аспектов, в других же случаях, напротив, вольное обращение с этими терминами порождает неразрешимые противоречия на уровне тупиковой ситуации. В этой связи возникает настоятельная необходимость в более пристальном изучении этих терминов с целью уяснения сущности и значимости тех реальных

явлений действительности, которые они отражают.

Слово «террор» в переводе с латинского (terror) означает страх, ужас, но возникновение его как понятия, характеризующего конкретные явления, обычно связывают с якобинской диктатурой, установленной во Франции в 1793 г., хотя, собственно, процессы и явления, которые теперь обозначаются этим термином, периодически заявляли о себе на протяжении всей истории человечества.

Террор обычно связывают с деятельностью государственной власти в определенные периоды существования государства, однако это не означает, что помимо государственной власти никакие другие силы не в состоянии насаждать повсеместный террор, внушая страх и ужас не только политическим противникам, а практически всем и каждому. То есть субъектом террора может быть не только государственная власть, но и мощное негосударственное образование (например, инквизиция) или сильная оппозиция, вступившая в откровенный военный конфликт с государственной властью и сама стремящаяся стать у руля государства (например, периоды гражданских войн).

Таким образом, террор может быть как государственным, так и негосударственным.

Государственный террор связывают с особо репрессивной, жестокой деятельностью государственной власти по отношению к своим политическим противникам, как внутри страны, так и за ее пределами, поэтому государственный террор можно разделить на внешний и внутренний.

Внешний террор ассоциируется с агрессивной или колониальной политикой государства, направленной на захват чужих территорий, разграбление национальных богатств поработанных народов, попрание элементарных прав человека. Конкретными примерами внешнего террора могут служить существование монголо-татарского ига на Руси, действия фашистской Германии на оккупированных территориях, деятельность колониальных властей.

Внутренний государственный террор в зависимости от специфики его проявления делится на судебный и внесудебный.

Судебный террор проявляется главным образом в уголовном преследовании политических противников и масштабах применения смертной казни.

Внесудебный внутренний государственный террор может проявляться как террор военного, административного и идеологического характера.

Внесудебный государственный террор военного характера обычно имеет место при подавлении любой вооруженной оппозиции и прочих народных волнений, поскольку сопровождается карательными операциями как в отношении побежденных и пленных мятежников, так и сочувствующих этому движению граждан.

Административный террор проявляется в чрезмерном усилении чиновничье-бюрократического аппарата, сосредоточении у него значительных полномочий разрешительного толкования и функций, связанных с толкованием законов. Такое положение имеет место при несовершенстве законодательной базы, противоречивости принимаемых высшими органами государственной власти законодательных актов, президентских указов, правительственных постановлений. При таких условиях всякий гражданин испытывает зависимость от чиновничьего произвола, страх и неуверенность в завтрашнем дне, поскольку в любой момент его вполне законная деятельность может быть подвергнута гонениям либо вообще сведена «на нет».

Разновидностью административного террора является полицейский террор, который сопровождается произвольными массовыми арестами, ликвидациями арестованных без суда и следствия. В тоталитарных государствах, в особенности фашистских, полицейский террор осуществляется в единой связке с идеологическим террором, опираясь на него и поддерживая его своими средствами. Мощная нескончаемая пропаганда, жесткая цензура стремятся вытравить всякое инакомыслие,

чтобы довести общество до такого состояния, когда внушаемые идеи не только не подвергаются сомнению, но и, трансформировавшись в собственные мировоззрения массы людей, начинают двигать устремления народного большинства к единению с вдохновителями террора. То есть для идеологического террора характерны повсеместное насаждение определенной единой идеологии, преследование какого-либо инакомыслия.

Таким образом, понятие «террор» олицетворяет собой акции массового физического, психологического, идеологического насилия, осуществляемого общественно-политическими структурами, обладающими неограниченной властью над находящимися в их поле деятельности социальным контингентом, и направленного на устрашение масс с целью понуждения их к определенному поведению.

Отмеченные общие признаки террора позволяют ограничить его от смежных понятий, наиболее близкими из которых являются такие понятия как «война», «агрессия», «геноцид».

Война определяется в толковых словарях как вооруженная борьба между государствами [2, с.80] или как общественное явление в виде продолжения политики насильственными средствами [3, с.238].

Война также как и террор зиждется на насилии. Но насилие насилию – рознь. Террор может сопутствовать войне, в особенности захватнической, агрессивной, но война может вестись и без политики террора. Война без террора отличается от войны с террором тем, что в конфликте первого рода задействованы только воюющие армии и лишь на вооруженные силы неприятеля направлены все насильственные действия, при этом соблюдаются правила ведения войны в отношении раненых, военнопленных, медицинского персонала и не допускается насилия против мирного населения. Но как только узаконенные соглашениями сторон или международными конвенциями правила ведения войны начинают нарушаться и какая-то из воюющих сторон применяет насилие к раненым, военнопленным, мирным жите-

лям и т.п., то эта сторона одновременно становится и субъектом террора.

История знает немало примеров войн как того, так и другого рода, но прогрессивное человечество всегда стремилось к выработке таких правил ведения войн, которые исключали бы любое насилие, не связанное с боевыми действиями армий.

Понятие «агрессия» обычно ассоциируется с понятием «война» и характеризует действия той из воюющих сторон, которая первой применила силу, т.е. вооруженное нападение [2, с.20; 3, с.20], поэтому все вышесказанное об отличии террора от войны относится и к ограничению террора от агрессии.

Агрессия также может быть сопряжена с террором в отношении населения захваченных территорий, военнопленных и т.д. (чаще всего так и бывает, когда ведется захватническая война), но история знает агрессии и без террора. Так, в 1939 г. Советский Союз начал войну против Финляндии. Лига наций расценила это как акт агрессии и в декабре 1939 г. приняла решение об исключении СССР из Лиги наций. Хотя действия советской стороны были обусловлены не захватническими целями, а соображениями исключительно военно-стратегического порядка, оспорить квалификацию с позиции буквы международного права весьма затруднительно. Но в то же время вряд ли можно уличить Советский Союз в том, что он не ограничивался военными действиями против армии неприятеля и допускал террор в отношении населения, непосредственно не участвующего в конфликте.

Таким образом, война, агрессия – это действия, направленные против вооруженных сил противника, тех сил, которые способны оказать более или менее равновеликое сопротивление, террор же направлен против той массы людей, которая не имеет возможности оказать сколько-нибудь равноценное сопротивление и поэтому обречена быть жертвой террора. То есть, фигурально выражаясь, война направлена против равных, а террор – против бесправных.

Понятие «геноцид» обычно определяется как истребление отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам [2, с.111; 3, с.288]. В качестве наиболее выразительных примеров геноцида обычно приводятся действия фашизма против славянского и еврейского населения, во время Второй мировой войны, а также действия клики Пол Пота против кампучийского народа. В этом качестве геноцид по объективным признакам смыкается с террором, выступая как бы наиболее крайней формой его проявления. Однако цели, к каковым стремятся вдохновители террора и вдохновители геноцида, не совсем одинаковы. При геноциде истребление населения является самоцелью этих действий, т.е. тем самым конечным результатом, для достижения которого осуществляется насилие. При терроре, выраженном в физическом насилии над людьми, истребление какой-то части политических противников и других граждан является не самоцелью, а средством достижения другой, более важной цели – призвать к повиновению остальную часть политических противников и всех прочих граждан.

С другой стороны, геноцид и по объективным признакам может принимать формы, явно не похожие на открытое насилие и создание обстановки страха. Помимо прямого грубого физического насилия, он может выражаться и в создании жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение каких-либо групп населения или же в принятии мер по предотвращению деторождения в их среде (биологический геноцид) [3, с.288].

Понятия «террор», «война», «агрессия», «геноцид», хотя и отражают нетождественные по своей сути общественные явления, но все же одноуровневые по своему значению.

Иное положение при сопоставлении понятий «террор» и «терроризм», поскольку терроризм находится на одном уровне с такими категориями действительности как организованная преступность, наркобизнес, бандитизм, насильственные преступления, и несмо-

тря на словесное созвучие этих понятий они отражают совершенно разные явления действительности, а сходства между ними, пожалуй, не больше, чем между такими понятиями как «канал» и «канализация», «развал» и «развалюха», «экономика» и «экономка».

В настоящее время для мирового сообщества стало очевидным то, что терроризм – это разновидность общеуголовной преступности, поэтому для успешной борьбы с терроризмом необходимо, в первую очередь, снять политический ореол с террористической деятельности. Тот факт, что многие террористические действия совершаются по политическим мотивам, не превращает их из преступления в некую политическую акцию, требующую политического убежища. Немало и других особо опасных преступлений совершается по политическим мотивам, но это не мешает привлекать лиц, их совершивших, к ответственности по статьям Уголовного кодекса того или иного государства. И террористические действия здесь тоже не исключение. Тем более, как свидетельствует судебная практика, террористические преступления могут совершаться не только по политическим мотивам, но также из корыстных побуждений, мотива мести и других личных мотивов. Поэтому вполне закономерным представляется отнесение террористических действий к чисто общеуголовным деяниям как во внутреннем законодательстве государств (в Уголовных кодексах большинства государств состав террористического акта отнесен к преступлениям против общественной безопасности), так и в международных конвенциях. В частности, в соответствии со ст.1 Европейской конвенции по борьбе с терроризмом (Страсбург, 27.01.1977 г.) и ст.11 Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 12.01.1988 г.) ни одно из указанных в настоящих конвенциях преступлений не рассматривается для целей выдачи или взаимной правовой помощи как политическое преступление, или преступление, связанное с политическим преступлением, или преступление, вызванное политическими побуждениями.

В свете сказанного об общеуголовной, а не политической сущности терроризма возникает вопрос о неточности таких понятий как «террористическая политика», «государственный терроризм», «антитеррор». Нельзя же всерьез относиться к таким словосочетаниям, как «воровская политика», «хулиганская политика», «взяточническая политика», но ведь и терроризм, так же как и кража, хулиганство, взяточничество, есть преступление, а не политика.

Приводимые же в доказательство существования «государственного» терроризма те или иные события, относящиеся к международной или внутренней деятельности государства, особенно тоталитарного или фашистского, свидетельствуют о том, что авторы называют государственным терроризмом то, что относится к совершенно иным категориям действительности – войне, агрессии, внутреннему или внешнему террору [4, с.87; 5, с.119–160; 6, с.25–32].

Антитеррор – это противодействие террору, а не терроризму. Этим понятием вполне можно охватить, например, национально-освободительное движение против колониальных властей, внутригосударственную борьбу с диктаторским или фашистским режимом, противодействие захватнической войне и т.п. Следует также заметить, что законодательство, направленное на противодействие терроризму, в литературе обычно называют «антитеррористическим», а сами мероприятия по пресечению террористической деятельности нередко почему-то называют «антитеррором». С таким подходом вряд ли можно согласиться, поскольку в реальной действительности террор – это политика, а терроризм – это уголовно наказуемые общественно опасные деяния.

Наиболее опасным из террористических действий является террористический акт. Так, ст.205 УК Российской Федерации определяет признаки террористического акта следующим образом: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких по-

следствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях». То есть, отличительными чертами террористического акта являются: 1) совершение или угроза совершения взрыва, поджога или иных общеопасных действий; 2) направленность действий на устрашение населения, умышленное создание обстановки страха, напряженности на социальном уровне; 3) применение насилия относительно одних лиц (невинных жертв) или имущества с целью понуждения к определенному поведению иных лиц (представителей власти, международных организаций).

Подводя итог сказанному, представляется возможным выделить следующие признаки, отличающие терроризм от террора.

Во-первых, терроризм – это одноразово совершаемый акт либо серия подобных актов, тогда как террор носит тотальный, массовый, непрерывный характер.

Во-вторых, субъекты терроризма, в отличие от субъектов террора, не то что безграничной, а вообще никакой официально установленной (выборным путем, путем военной интервенции, узурпации, престолонаследия и т.д.) властью над социальным контингентом той местности, где разворачиваются их действия, не располагают.

В-третьих, субъектами террора выступают общественно-политические структуры, а субъектами терроризма – физические вменяемые лица, достигшие возраста уголовной ответственности.

В-четвертых, субъекты террора осуществляют устрашение населения с целью понуждения самого же населения к определенному поведению, тогда как субъекты терроризма осуществляют устрашение населения с целью понуждения к определенному поведению представителей власти или международной организации.

В-пятых, террор – это социально-политический фактор действительности, а терроризм – уголовно наказуемое деяние.

Террор и терроризм – это разноуровневые явления в иерархии общественных событий, как по своей сущности, так и по значимости тех последствий, каковые они могут причинить, на что уже обращалось внимание в юридической литературе [7, с.34–45; 8, с.67–77], поэтому схематично эти и родственные им явления (и соответственно понятия) можно представить в виде двух параллельных рядов.

Первый (верхний) ряд наряду с понятием «террор» составляют такие родственные ему понятия, как «война», «агрессия», «геноцид».

В качестве слов-синонимов для понятия «террор» выступают такие, как «политика террора», «массовый террор», «тотальный террор».

Второй (нижний) ряд наряду с понятием «терроризм» составляют такие близкие ему понятия, как «диверсия», «бандитизм», «вымогательство», «захват заложников», «организованная преступность», «насильственные преступления», «преступления против общественной безопасности» и т.п.

В качестве слов-синонимов для понятия «терроризм» могут использоваться такие, как «террористический акт», «преступления террористического характера (террористической направленности)», «террористические преступления», «террористические деяния».

ЛИТЕРАТУРА

1. Иманлы М. Н. Объективные признаки терроризма / М. Н. Иманлы // Следователь. – 2009. – № 1. – С. 56–61.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1985. – 797 с.
3. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1985. – 1600 с.
4. Блищенко И. П. Международно-правовая борьба с терроризмом / И. П. Блищенко, Н. В. Жданов // Правоведение. – 1975. – № 1. – С. 85–94.
5. Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю. М. Антонян. – М. : Щит-М, 1998. – 306 с.
6. Салимов К. Н. Современные проблемы терроризма / К. Н. Салимов. – М. : Щит-М, 1999. – 216 с.
7. Комиссаров В. С. Террор, терроризм, «государственный терроризм»: понятие и соотношение / В. С. Комиссаров, В. П. Емельянов // Вестник Московского университета. – Серия 11. Право. – 1999. – № 5. – С. 34–45.
8. Емельянов В. П. Террор и терроризм: вопросы отграничения / В. П. Емельянов // Право и политика. – 2000. – № 4. – С. 67–77.

Глушков В. А. Террор и терроризм: соотношение и разграничение / В. А. Глушков, В. П. Емельянов // Форум права. – 2011. – № 4. – С. 107–112 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2011-4/11gvacir.pdf>

Рассмотрены вопросы определения понятий «террор» и «терроризм» и установлено соотношение между ними как общесоциальным и уголовно-правовым явлениями, которым присуще специфические черты, отличающие их один от другого.

Глушков В.А., Емельянов В.П. Терор і тероризм: співвідношення та відмежування

Розглянуто питання визначення понять «терор» та «тероризм» та встановлення співвідношення між ними як загально соціальним та кримінально-правовим явищами, яким притаманні власні специфічні ознаки, що відрізняють їх один від одного.

Glushkov V.A., Yemelyanov V.P. Terror and Terrorism: a Ratio and Demarcation

Problems concerning determination of concepts «terror» and «terrorism» are considered and is installed ratios in between as general social and criminally-legal appearances in which one it is proper the peculiar features distinguishing their one from another.